

Алексей Маркович БОНДАРЕНКО родился в селе Маковское Енисейского района. Окончил Подтёсовское ГПТУ-5, Абаканский политехникум, Хабаровскую высшую партийную школу по специальности «Журналистика». Работал на судах Подтёсовской РЭБ, учителем в школе, инженером в леспромхозе, заместителем редактора газеты «Енисейская правда», председателем райисполкома. Первый рассказ, «Подарок», был опубликован в 1978 году в журнале «Дальний Восток». Публиковался в журналах «Енисей», «Сибирский промысел», «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Охотничьи просторы», «Муравейник», «Перезвон», в районных, городских, краевых, центральных газетах. Первая книга, «Мужская трава», вышла в 1994 году с предисловием Виктора Астафьева. Потом были книги «Берегиня», «Бес в ребро», «Я родился в глуши», «Птица с железным клювом», «Закон — тайга...», «Любовь и боль», «Проталинки», повесть «Стынь неба осеннего», воспоминания о В. П. Астафьеве «И стонет моё сердце...», историческая трилогия «Государева вотчина». Член Союза писателей России. Жил в селе Озёрное Енисейского района.

УТЯТА

День выдался солнечным, жарким. Казалось, жизнь в природе остановилась: ни писка, ни шороха, ни шевеления листка. Лишь изредка на сеновале прогундит одинокий комар да прокудахчет курица. Кобель Вайгач — и тот, вытянув лапы, нежился на солнце, но курицы не давали ему покоя. Он лениво поднимался и, гремя цепью, бросался на надоедливых бестий. И вновь всё стихало, замирало.

Петька Мошаков проснулся не от кудахтанья кур, а больше от несносной духоты. На сеновале духмяно пахло свежескошенным сеном. Шиферная крыша исходила жаром. Петька с наслаждением потянулся и, откинув марлевый полог, намеревался уже спуститься с сеновала, как внизу услышал голоса родителей.

— Ты, Иван, прямо голову потерял. Разве можно ребёнок одного пускать на воду? — возмущённо говорила мать

— Я же тебе сказал, что Петушок наш — отличный парень, настоящий рыбак и охотник растёт. На лодке орудует — любо-дорого. Ничего с ним не случится, — отвечал отец, посмеиваясь, и добавил: — Ты бы не встревала в мужские дела. Мы сами как-нибудь разберёмся.

— Ах, Иван, чует моё сердце недоброе, — не отступалась мать. — Всё-то тебе дома недосуг. Ну, задержался на

час-другой. Никуда твоя работа не убежит. Беда с тобой, да и только.

— Ладно, ладно, мать, буди Петушка. Я ему всё как надо растолкую, — отмахнулся отец и, увидев спускающегося с сеновала Петьку, обрадовался: — А вот он и сам с усам.

— Привет, родня! — вяло промямлил Петька, намереваясь двинуться к умывальнику.

А поприветствовал он так родителей для пущей важности, чтобы показать свою значимость: сам с усам, отец говорит. Так вот и пусть знают, кто такой сам с усам. Разговору родителей Петька хорошо вял, и ему очень хотелось, чтобы отец попросил его сделать то неотложное дело, которое сам не успел сделать. А Петьке море по колено. Свою реку Кемь он нечего делать вразмашку переплывёт.

— Сынок, — потрепал отец по вихрастой голове, засыпанной трухой и сеном. — Мне нынче, вишь, некогда, а у нас с тобой в сети рыба тухнет. Жара-то вон какая! Особенно щурята быстро задохнутся. Управишься без меня с сетью?

— Хэ-э-э!.. А чо там управляться-то? Наливай да пей...

— Ну ты чисто как дед Тимофей стал, — улыбнулась мать. — Все его слова перенял.

— А то!.. — гордо вскинул голову Петька.

— Герой! — похвалил отец. — Отвоевал вон у негодяев заслуженные награды старика. Продлил жизнь ему. Пожалуй, взрослый бы не сумел так сразу сообразить, что делать. Умыкали бы жулики в могилу старика.

— А то! — гордо ответил Петька.

Любопытство подмывало его, что отец ещё скажет, о чём просить станет, но он сдерживал своё любопытство.

— Сынок! Вон мать меня хает, что худо семью кормлю. Мол, в доме ни хвоста рыбы, и обед не из чего готовить. А у меня срочных дел накопилась уйма. Ты сетёнку, что ставили с тобой вечером, сможешь потрясти? Глядишь, и мать вдвоём-то бы уважили.

— Подумаешь — посмотреть! А я и другую могу поставить.

— Слышала? — довольно кивнул отец в сторону сына. — Мы с Петушком горы свернём. А то... сети! Не

строй, мать, проблемы из ничего. Вон какой кормилец у нас растёт! А ты: без обеда остались.

...Петька ловко столкнул лодку на воду и, поудобнее уместившись на сидухе, гребанул веслом. Лодка накренилась, готовая перевернуться, но Петька ловко бросил весло на другой борт, выровнял вёрткую посудину. Скоро лодка пошла ровно, без сбоев, и Петьке стало хорошо на душе. На воде играли солнечные блики. Прохладой тянуло от реки, от густого тёмного леса с другого берега. Здесь полуденный зной совсем не чувствовался. Петька сбросил рубашонку, чтобы понежиться на солнце, но тело тотчас закровоточило. Большие жёлтые пауты, злобно гудя, кружились над ним. Они беспощадно кусали и спину, и руки, и грудь. Петька снова натянул рубаху и пригрозил кровососам кулаком:

— Я вам, гады, морды набок сворочу.

Сеть, поставленная с вечера в курье, притонула. Верхней тетивы совсем не было видно. Только деревянные гладкие поплавки то поднимались, то уходили вглубь, то дёргались беспрестанно. Петька, поглядывая на поплавки, радовался. Он уже мысленно представлял, как вывалит из сети в лодку большую щуку или язя. А может, и окунь попался. Он от волнения облизал пересохшие губы. Какой холодец мать из окуней готовит! Одно объеденье! Никто не готовит такого холодца, как мать. А щуку Петька обязательно отнесёт деду Тимофею. После истории с медалями старик вовсе захирел. И госпиталь не помог. На улице не показывался. Больше лежал на койке, схватившись за бок. Фельдшерица сказала, что у дедушки, видно, с рёбрами не всё ладно. Она направила его в город, в районную больницу, но тот наотрез отказался. Тогда выписала лекарство. И Петька на сэкономленные деньги, что давали родители на мороженое, в аптеке купил лекарства. Правда, денег немного не хватило. Но Вовка в долг удружил. Вовка не жмот. Он настоящий друг, каких поискать надо. Да и зачем искать, когда он всегда рядом? В любую минуту ринется за Петькой в огонь и воду.

Петька уже представлял, как обрадуются богатому улову его родители. А дед Тимофей от радости даже

поднимется с койки и попросит его, Петьку, сварить хорошую, запашистую уху. Петька обязательно в уху положит немного картошки, морковки и не забудет про лук, укроп и, конечно, лавровый лист. Они вместе с дедушкой будут с удовольствием есть свежую наваристую уху.

Подгребаясь легонько с одной стороны лодки веслом, Петька принялся осторожно поднимать сеть. И чем дальше он перебирался по тетиве, тем больше настроение падало. В сеть попало несколько ельцов, колючий ёрш и карась с ладошку величиной. Но на середине сети он вдруг увидел утиные головки. В сети барахтались утята: они то выныривали, пытаясь освободиться от пут, то тянули снасть в глубину. Но через некоторое время вновь появлялись на поверхности воды, хлопая в отчаянии маленькими крыльями.

Охотничий азарт добытчика захватил рыбака. Бросив просматривать сеть, он направил лодку к уткам. Теперь Петька уже не думал о рыбе, он не хотел упускать богатую добычу. «О! Жаркое деду Тимофею. Как он обрадуется!» — взбодрился Петька. Приблизившись к утятам, он замахнулся веслом, чтобы одним ударом завладеть добычей, но остановился. Весло упало в лодку. Из кустов вдруг вылетела утка-чирушка. Тревожно крича, закружила над лодкой. Покружив, чирушка с размаху шлёпнулась на воду вблизи сети. Затем снова поднялась и пролетела над самой головой рыбака. Она беспрестанно и беспокожно кричала. Петьке показалось, что утка взывает о помощи. И этот душераздирающий крик утки шилом воткнулся в сердце мальчика. Он понял, что в сети запутались её утята и жить им осталось совсем немного. Они на глазах у Петьки всплывали на поверхность воды и, судорожно трепыхаясь, безвольно роняли голову на воду.

Петька ловко выхватил сеть из воды и потянул утят в лодку.

Утята, хватив воздуха, стали успокаиваться. Правда, тот, что поменьше, не шевелился. Петька принялся быстро освобождать его лапки от сети. Утёнок так запутался, что Петька вопреки, пока распутывал птицу. В тёплых руках утёнок очухался и, часто махая неоперившимися крылышками, хватал воздух, раскрывал и закрывал жёлтый клювик.

— Не трепыхайся, не трепыхайся, — успокаивал его Петька. — Счас освобожу тебя, и поплывёшь к своей мамке. Слышь, как она раскричалась? Спасу нет, какой шум подняла. Моя мамка любому голову бы расклевала, кто обидел меня. Держитесь, ребята, я мигом.

И Петька вновь с азартом принялся раскручивать злополучную капроновую сеть.

Скоро он освободил утят и выпустил их на волю. Утята один за другим нырнули в воду, показав ему острые хвостики. И вынырнули уже на середине курьи и беспокойно завертели головками. Чирушка-мать, опустившись рядом, довольно закричала. Не прошло и минуты, как утки скрылись в прибрежной траве.

Петька долго сидел без движения, пытаясь ещё раз увидеть счастливое семейство. Но сколько бы он ни напрягал зрение, утки не показывались. В эти минуты Петька подумал об отце, что он ему скажет. Вспомнил и больного деда Тимофея. Но радость наполнила его грудь, что он сделал доброе дело, не погубил беззащитных утят. И вдруг тревога закралась в его сердце: утята снова могут попасть в крепкую сеть. Тогда уж наверняка погибнут. И Петька принялся спешно собирать сеть в лодку...

— Ну что, рыбак? Как успехи? — спросил отец, с любопытством заглянув в пустое ведёрко, на дне которого плескалась в воде мелкая рыбёшка. — Небогато, вижу. Вечером сеть переставим в другое место.

— Не надо переставлять... — запротестовал Петька.

— А что так? — удивился отец. — Рыбалка наскучила?

— Это разве рыбалка? — грустно ответил Петька, опуская глаза. — Душегубство...

— Даже так?! — ещё больше удивился отец, не понимая.

И Петька рассказал, как в сеть попались утята и он, Петька, выпустил их на волю. Он ожидал разгона от отца. Но, к его удивлению, отец, ласково глядя на сына, произнёс:

— Молодец! По-другому ты и не мог поступить.